

Виктория Александер
Мои маленькие тайны
Серия «Грешные семейные тайны», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7500353
Александер, Виктория Мои маленькие тайны : роман: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-081941-6

Аннотация

Супруги Эвелин и Эдриен Хэдли-Эттуотер – идеальная викторианская пара, украшение лондонского света.

Кто бы поверил, что в действительности Эвелин состоит на тайной службе ее величества и привыкла выполнять самые трудные и опасные задания! Но приходит время отойти от дел, а перед тем необходимо добыть жизненно важные сведения.

Однако тайна, как выяснилось, есть не только у Эвелин, но и у Эдриена, к немалому изумлению его обожаемой жены...

Содержание

Пролог	5
Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Виктория Александер

Мои маленькие тайны

Victoria Alexander

My Wicked Little Lies

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Jane Rotrosen Agency LLC и Andrew Nurnberg.

© Cheryl Griffin, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Пролог

«Мой дорогой сэр!

Я пишу вам, и мою душу переполняют сожаления, поскольку это мое последнее письмо. Сэр Максвелл, несомненно, сообщил вам о моем решении покинуть пост. По правде говоря, я не думала, что этот день когда-нибудь наступит. Я никогда не помышляла об отказе от этой жизни, которая во многом была замечательной и во всех отношениях насыщенной и интересной. И все же я устала от волнений и тайн.

Последние пять лет я преданно служила королеве и своей стране. Возможно, это покажется эгоистичным, но я решила, что пришло время оставить службу и уделить время себе. Я хочу того же, чего хотят все женщины в мире, – мужа, семью, детей. Мне необходимо место, которое я могла бы назвать своим домом.

Я встретила чудесного человека и намерена провести остаток своих дней, даря ему счастье. И меня это радует, поскольку его самое большое желание – сделать счастливой меня. Звучит банально, не правда ли? И все же я еще никогда не была так взволнованна и счастлива.

Я всегда знала одно: те, кто уверяет, что не испытывает сожалений, расставаясь с прошлым, или хотят обмануть своего собеседника, или обманывают сами себя. А сейчас, оглядываясь назад, я ни о чем не жалею. Если бы в самом начале мне было известно то, что я знаю сейчас, думаю, я выбрала бы тот же путь, хотя, наверное, вела бы себя умнее. Или нет. В любом случае это было большое и восхитительное приключение.

Поскольку это мое последнее «донесение», полагаю, я могу быть полностью откровенной. Честно говоря, я по-настоящему сожалею только об одном, сэре. Мне жаль, что мы так ни разу и не увиделись, не взглянули друг другу в глаза. Признаюсь, я часто думала об этом. Мне казалось, что я узнаю вас, как только увижу или услышу звук вашего голоса. Глупо, конечно. Ведь мы никогда не встречались и не разговаривали. И все же мне кажется, что за эти годы я хорошо узнала вас, хотя по-прежнему ничего о вас не ведаю. Вам, наверное, покажется это смешным, но иногда, бессонными ночами, я представляла нашу встречу. Взгляд ваших глаз – умных, притягательных и чуть насмешливых, улыбку, играющую на ваших губах, звук смеха. Я представляла себе ощущение вашей теплой ладони, сжимающей мою руку, когда мы танцуем в переполненном бальном зале.

Хотя кто знает? Вы – человек таинственный. Возможно, мы когда-то танцевали вместе. Вы вполне могли быть тем невысоким лысеющим джентльменом, с которым я танцевала на балу у французского посла. Или игривым итальянским графом, который сравнил мои глаза с сияющими на небе звездами. Ведь правда? Я никогда этого не узнаю. Впрочем, все к лучшему.

Я пишу эту записку, и с моих губ не сходит улыбка. Боюсь, напоследок я позволила фантазии слишком разыграться. Странно, что окончательность дает свободу. Но невозможно не думать о невыбранной дороге, незаданном вопросе, непрочитанной последней главе.

Нельзя выразить словами мою благодарность, сэре, за все, чему вы меня научили, за ваши профессиональные наставления, за искреннюю дружбу.

Да хранит вас Бог, сэре.

Ваша Эви».

Он долго держал письмо в руке. Такой аккуратный знакомый почерк. И слова прощания, не оставляющие никаких надежд. Что ж, всему когда-нибудь приходит конец. Это грустно, но вместе с тем волнующе. Ведь впереди ждет что-то новое. Необходимо оставить прошлое в прошлом, чтобы обратить свой взор к будущему.

Он глубоко вздохнул и взял перо.

«Моя дорогая Эви!

Ваше письмо, как это бывало и прежде, заставило меня улыбнуться. Мне будет не хватать нашей переписки. Скажу честно, мне тоже есть в чем признаться.

Вы всегда поражали меня своим умом и смелостью. Ваше решение уйти – тяжелая потеря для страны, но никто не вправе винить вас за сделанный выбор. Вы отдали делу многое, и пора – возможно, давно пора – вернуться к тому образу жизни, который вы всегда должны были вести. Вы это заслужили.

Я тоже нередко представлял, какой могла быть наша встреча, что мы сказали бы друг другу лично, не доверяя слова бумаге. Действительно ли под внешней невозмутимостью наших слов полыхал огонь, или это ощущение было вызвано опасностью работы, которую мы делали вместе? Или всему виной была моя непреодолимая тяга к леди, чье присутствие в своей жизни я ощущал постоянно, даже если, в силу необходимости, оно выражалось лишь в слабом аромате духов, который можно было ощутить, поднеся к лицу листок бумаги, исписанный вашим удивительно красивым почерком? Ах, Эви, какие только мысли о вас меня не посещали!»

Он сделал паузу и внимательно перечитал написанное. В чем дело? С какой стати он начал это письмо? Никакой необходимости в ответе нет. И совершенно незачем рассказывать ей сейчас о своих чувствах. Это принесет больше вреда, чем пользы. Кто знает, быть может, когда-нибудь настанет день...

Он вздохнул, положил свое недописанное послание на ее письмо, сложил их вместе и засунул в карман. Отодвинув стул от письменного стола, он встал. Впереди так много дел... и так мало времени...

Конец и начало... из них состоит жизнь.

Часть I

Ложь недомолвок

Не задавай вопросов, и не услышишь лжи.
Чарлз Диккенс. «Большие надежды»

Глава 1

Два года спустя, февраль 1886 года

– Вы сошли с ума! Как можно предлагать мне такое! Да вы вообще мозгов лишились, если допускаете мысль, что я соглашусь! – Эвелин Хэдли-Эттуотер, графиня Уоттерстоун, встала и сверкающими от ярости глазами уставилась на собеседника, сидящего за столом. К этому человеку она когда-то относилась без неприязни, как к досаждающему назойливому брату, и искренне надеялась никогда больше не встретиться с ним при подобных обстоятельствах. – Я не стану даже думать об этом, не могу поверить, что у вас хватило наглости обратиться ко мне по такому поводу.

Сэр Максвелл Осгуд внимательно смотрел на свою разъяренную собеседницу, не выпуская изо рта трубку. Струйка дыма медленно поднималась над его головой, но не рассеивалась и висела в воздухе пеленой упрёка. Это не могло не раздражать.

– Когда вы начали курить трубку?

– Мне казалось, что вы предпочитаете сигарам трубку, – спокойно ответил сэр Максвелл.

– Вы ведете себя нелепо! Смешно! – Эвелин потянулась к сэру Максвеллу, выхватила у него изо рта трубку и бросила ее в блюдце, очевидно, заменявшее пепельницу. – Я предпочитаю дышать воздухом, который еще никто не вдыхал и не отравлял табаком.

– Разве ваш муж не курит сигары?

– В моем присутствии никогда! – Эвелин прищурилась. – Надеюсь, вы понимаете, что не заставите меня передумать!

Сэр Максвелл Осгуд улыбнулся. Его улыбка была чуть ленивой, уверенной и... чарующей. Наверняка она заставила многих женщин почувствовать дрожь в коленках и упасть прямо в его постель. Сама Эвелин никогда не была в их числе. Она тяжело вздохнула и снова опустилась на стул.

– Если вы пытаетесь очаровать меня, то напрасно. Не работает.

Его улыбка стала шире.

– Я буду сожалеть об этом вечно.

– А я искренне надеялась никогда больше с вами не встречаться.

– Позвольте заметить, что мы с вами встречаемся довольно часто.

– Да, но на разных светских мероприятиях, где все относится ко всем с приличествующей случаю вежливостью, только и всего! Таких встреч избежать невозможно, и они совершенно ничего не значат! Я хотела сказать, что надеялась никогда больше не приходить сюда. – Она с досадой взмахнула рукой и неприязненным взглядом обвела комнату, настолько ничем не примечательную, что это само по себе было удивительным. Это безликое помещение очень подходило правительственному чиновнику среднего уровня. Любой, кого угораздит заглянуть сюда, не найдет абсолютно ничего указывающего на то, что дела департамента внутренних и иностранных дел никак не связаны с торговыми договорами.

Эвелин уверенно встретила взгляд хозяина кабинета. – И еще: у меня не было намерений иметь какие-либо дела с вами.

– Боже мой, Эвелин! – Сэр Максвелл исполненным драматизма жестом прижал руку к груди, но в его глазах плясали насмешливые огоньки. – Вы ранили меня в самое сердце!

– Сомневаюсь, – фыркнула Эвелин. – Кстати, извольте обращаться ко мне леди Уоттерстоун.

– Я думал, мы друзья. – В его голосе прозвучала обида.

Эвелин ее проигнорировала.

– В каком-то смысле безусловно. Во всяком случае, мы были друзьями. Но теперь все изменилось. У меня сейчас совсем другая жизнь, я ею дорожу и не желаю рисковать.

Сэр Максвелл устремил на нее внимательный взгляд. Его глаза были абсолютно серьезными.

– В опасности может оказаться его жизнь.

У Эвелин на секунду перехватило дыхание. Но она попыталась проигнорировать и это. Однако все же...

– Вы сказали, украдена папка с документами...

– Да. Две недели назад.

– Вы можете сказать точно, насколько важна эта папка?

– Она состоит из документов, раскрывающих структуру организации, а также личности руководства и агентов. – Он тряхнул головой. – Информация поставит под удар безопасность всех людей, которые есть в списке, а также их семей. Кто знает, как далеко способны зайти в своем стремлении отомстить те, кого мы долгие годы преследовали.

Эвелин наморщила лоб. Как все это похоже на Макса – сообщать важнейшие детали понемногу, малыми дозами.

– Вы должны были упомянуть о жизненной важности этой папки с самого начала. На основании всего, что вы сказали до сих пор, у меня создалось впечатление, что речь идет не о жизни и смерти, а о каких-то бюрократических сложностях. – Неожиданно ей пришла в голову мысль, от которой дрогнуло сердце. – Сведения обо мне там тоже есть?

– Нет, – ответил он, ни минуты не медля.

Ее охватило облегчение, моментально сменившееся подозрительностью.

– Почему нет?

– В документах может упоминаться только ваше имя – Эви, – да и то один или два раза. Когда вы покинули пост агента, все записи были уничтожены. – Он закатил глаза и уставился в потолок. – По приказу Сэра.

Ее сердце пропустило один удар при упоминании кодового имени агента, с которым она работала пять лет, человека, которого она никогда не видела. Он общался с ней посредством писем, руководил ее действиями, отдавал приказы и, да, не единожды спасал ей жизнь. Мысли об этом человеке не давали ей спать ночами, заставляли желать чего-то неясного... смутного... неизведанного... Но все это было давно – и мечты, и человек, с которым они были связаны. Эвелин твердо оставила все это в прошлом и не желала ничего менять. А то, что у нее дрогнуло сердце при звуке его имени, это естественно и ни о чем не говорит. Теперь все ее мечты связаны только с одним мужчиной. Ее мысли, сердце – вся жизнь заполнена лишь им. Она снова прищурилась.

– Почему?

– Он хотел вас защитить. Считал, что так будет справедливо. Хотя... – Макс явно подавил вспышку гнева. – Так никогда не делалось раньше и, я думаю, не будет делаться впредь.

– Понимаю. – Она сделала паузу. Действия Сэра были заботливыми, но неожиданными.

И они ничего не меняли. – Я ему, разумеется, благодарна, но все это меня больше не касается.

Макс приподнял бровь.

– Уверены?

Эви кивнула:

– Совершенно.

– А я-то думал, что, учитывая, как часто он спасал вашу прелестную задницу...

– Что вы себе позволяете!

– Простите, дорогая... – Макс насмешливо хмыкнул. – Старые привычки и все такое...

Такие вот дела, Эвелин.

– Леди Уоттерстоун, – настойчиво повторила она.

Он вздохнул.

– Конечно, леди Уоттерстоун.

– Спасибо, – тихо пробормотала она, хотя благодарить его было не за что. После свадьбы с Эдриеном Хэдли-Эттуотером, графом Уоттерстоуном, имевшей место два года назад, она на самом деле стала леди Уоттерстоун.

– Простите меня, леди Уоттерстоун. – Сэр Максвелл с тоской посмотрел на свою трубку. – Не всегда хочется вспоминать, как сильно изменился мир с тех пор, как вы последний раз были в этой комнате.

– Не только мир, – сказала Эвелин, мужественно встретив его пронизательный взгляд. – Я тоже изменилась. Я больше не беспомощная молодая девушка, почти девочка, волею судьбы вынужденная стать агентом.

– Я не припомню, чтобы вас кто-то вынуждал. – Макс подавил смешок. – И особой беспомощности в вас тоже не припомню.

– Я была молода и глупа.

– Молодой вы действительно были, – усмехнулся Максвелл, но глупой – никогда.

Эвелин попыталась спрятать довольную улыбку. Не вышло. Она когда-то гордилась тем, что никогда и никому не показывала своих чувств. По ее лицу невозможно было прочитать, что она думает. Даже теперь, занимая прочное положение в обществе и в сердце супруга, она старалась сдерживать внешние проявления эмоций.

– Возможно, глупая – неудачное слово.

– Возможно.

Их взгляды встретились.

– Вы же понимаете, что, изложив проблему в форме просьбы, а не приказа, все равно не заставите меня вернуться?

– Это не так. Вы не просто вернетесь, леди Уоттерстоун. У вас нет выбора.

– Чепуха. Конечно же, у меня есть выбор. – Она встала, быстрыми шагами пересекла комнату и подошла к окну, выходящему на маленький парк. Она регулярно бывала здесь в течение пяти лет. За это время внушительный, хотя и неприметный дом, расположенный на одной из площадей Мейфэра, стал центром ее мира, правителями которого были сидящий перед ней Макс и его начальник – Сэр. Так продолжалось очень долго. Но потом она встретила Эдриена и, устав от постоянной лжи, пусть даже во имя королевы, оставила этот мир позади. Она с шумом втянула в себя воздух. – Я не вернусь.

– Возможно, учитывая, что ситуация критическая, мы расскажем обо всем лорду Уоттерстоуну, и он поможет нам убедить вас...

Угроза повисла в воздухе. И это называется друг...

– Шантаж, Макс? Расскажите мужу о моем прошлом, если я не сделаю то, что вам нужно?

– Шантаж – грубое слово. – Сэр Максвелл покачал головой.

– Зато точное.

Он досадливо отмахнулся.

– Дело намного серьезнее, чем я изложил.

– Я так и поняла. – В дальнем конце парка маленький мальчик под бдительным оком няни играл с собакой. У Эвелин защемило сердце. Возможно, выбора действительно нет. – Продолжайте.

– В последние месяцы наша работа постоянно связана с опасностями.

Она обернулась.

– С какого рода опасностями?

– В первую очередь, конечно, с опасностью разоблачения. Это некая опасность, на уровне слухов, но тем не менее... – Макс вздохнул. – Вы отлично знаете, что наша организация действует в условиях строжайшей секретности.

Эвелин язвительно усмехнулась.

– Неужели вы хотите сказать, что департамент внутренних и иностранных дел занимается не обычными торговыми вопросами?

– Сейчас не время для сарказма.

Она взглянула на него с откровенной насмешкой и снова села.

– А мне кажется, самое время.

– Как я вам уже сказал, мы не можем работать открыто. Если документы из папки будут преданы гласности – вероятно, она попала не в те руки, – тогда все, что мы когда-либо сделали, и все, чем мы занимаемся сейчас, станет явным. Наши действия не всегда можно было назвать надлежащими процедурами, мы даже, если того требовали интересы безопасности государства, не всегда следовали букве закона. Последствием разоблачения, вероятнее всего, станет падение правительства, тем более учитывая неустойчивость теперешнего политического климата. Но даже если правительство устоит, результаты нашей работы – а это, поверьте мне, весьма неплохие результаты – будут сведены к нулю.

Он сделал паузу.

– Что касается личностей... люди, возглавлявшие организацию, работали, рискуя жизнью и собственной репутацией. Единственное, что они получали взамен, если не считать сознания своей полезности для безопасности страны, – это заверения, что их действия никогда не будут преданы гласности. – Он тряхнул головой. – Все они – выходцы из аристократических семей, имеют наследственные титулы и являются уважаемыми членами парламента. Многие из них пользуются доверием королевы. В общем, разоблачение посеет хаос на всех уровнях.

– Это я уже поняла. – В голосе Эвелин отчетливо звучало нетерпение. – Но все это не объясняет, почему вам потребовалось мое присутствие здесь? Зачем вам я?

– Дело в том, что только вам я могу доверять, – буркнул Макс.

– Что за чепуха! У вас полно агентов, намного более компетентных, чем я. Любой из них сможет выполнить подобную задачу – насколько я понимаю, она не слишком сложна – и вернуть папку. – Эвелин возмущенно фыркнула. – Если я единственный человек, которому вы можете доверять, тогда у вас действительно большие проблемы, никак не связанные с утратой папки.

– И все же я сказал чистую правду. – Он помолчал, словно тщательно подбирая слова. – Подозреваю, что кражу папки устроил кто-то из сотрудников организации. Документы потребовал некто из отдела иностранных дел. Во всяком случае, меня в этом заверили. Учитывая весьма сложный бюрократический аппарат, сейчас невозможно установить, кому именно понадобилась папка, не обнаружив факта ее исчезновения.

Эвелин тоже заговорила медленнее, стараясь выбирать слова:

– Мне кажется, что, занимаясь тайными операциями, собирать такого рода информацию в одну папку по меньшей мере глупо.

– Вы правы, – не стал спорить Макс. – Но не забывайте, что это правительственная структура. И если руководство что-то требует, принято исполнять приказ без дополнительных вопросов.

Она насмешливо вздернула бровь.

– Ай-ай, какие мы чувствительные... – Неожиданно Эвелин пришла в голову мысль, которую следовало проверить немедленно. – Ее украли лично у вас, не так ли?

– Это не имеет значения, – запыхтел Макс.

– И все же? – Она попыталась, но не смогла скрыть усмешку.

– Не вижу ничего смешного! – резко проговорил он, злобно покосившись на собеседницу. – Я бы никому не доверил эту папку, и тот, кто организовал похищение, это знал. – Он устремил на нее неприязненный взгляд и выпалил: – На меня напали и с помощью хлороформа привели в бессознательное состояние. – Макс пожал плечами. – Премемерзкая вещь, доложу я вам.

– А когда вы проснулись...

– Проснувшись, я понял, что папки нет, а...

Он замолк, явно не желая продолжать.

– Не надо останавливаться на полпути. Если я оказалась впутанной в эту грязную историю, то должна знать все.

– Ну хорошо. Я проснулся голым в грязном борделе, имеющем дурную славу.

Эвелин с большим трудом подавила смешок.

– А разве бывают бордели с хорошей славой?

Сэр Максвелл предпочел не обращать внимания на неудобный вопрос.

– Это было чрезвычайно неприятно.

– Как, разве вы никогда раньше не посещали бордель? – невинным голосом спросила она.

– Никогда не покупаю то, что можно получить бесплатно.

Эвелин несколько мгновений пристально смотрела на Макса, потом расхохоталась.

– Вы определенно не изменились.

– К несчастью, изменился, – вздохнул он, поднял глаза и подался вперед. – Послушайте, леди Уоттерстоун. Вы больше не агент, вашего настоящего имени нет ни в одном списке. Поэтому вы можете действовать, не вызывая подозрений. Если вы заметили, я пригласил вас сюда в день, когда в конторе почти никого нет. А тех, кто есть, я отослал с разными поручениями. Иными словами, я сделал все, чтобы сохранить ваше инкогнито. – Он перевел дух и просительным тоном добавил: – Мне от вас нужно совсем немного... Пустячная услуга.

– Но я вряд ли смогу вернуться к прежней роли мисс Тернер, незамужней наследнице, имеющей склонность к вечеринкам и приключениям, – сухо проговорила Эвелин.

– Нет, конечно же, нет. Но зато теперь вы – леди Уоттерстоун, желанная гостья на любом светском мероприятии.

– Да.

– Ваше присутствие будет нормальным, а значит, ничем не примечательным там, где мое присутствие вызовет удивление и интерес. Ведь я всего лишь глава незначительной правительственной конторы, занятой непонятными торговыми операциями.

Эвелин вздохнула.

– Продолжайте.

– Я уже близок к определению местонахождения папки. От вас мне нужно только одно: заберите ее.

– И все?

– Да! – воскликнул сэр Максвелл, правда, долю секунды поколебавшись. Хотя Эвелин допускала возможность ошибки. Все же прошло довольно много времени с тех пор, когда

она прислушивалась к своим инстинктам. Но именно инстинкты подсказывали ей – нет, не подсказывали, кричали! – что Макс не до конца искренен.

– Что вы мне недоговариваете?

Он задумался, явно решая, как много можно открыть.

– В одном из документов есть имена последних трех джентльменов, возглавлявших организацию. Первый умер несколько месяцев назад.

Эвелин насторожилась.

– Преступление?

– Трудно сказать. Он был стар. Вроде бы умер во сне. Но мы-то с вами знаем, как легко представить смерть естественной.

– Разве что понаслышке. – Она нахмурилась. – Если помните, мне никогда не приходилось применять подобные меры.

– Конечно, помню. Не сомневайтесь, и сейчас не придется. – Сэр Максвелл для большей убедительности энергично мотнул головой. – Да и вообще его смерть могла быть вполне естественной. Все же он был довольно старым человеком. Но сбрасывать ее со счетов нельзя.

– А в папке есть настоящее имя Сэра?

– Есть.

– Думаю, он хотел бы разобраться с проблемой. – Она задумалась. – Это его идея? Вернуть меня?

– Нет, это моя инициатива. Сэр ничего о ней не знает.

Эвелин сдвинула брови. Высокий лоб перерезали две морщинки.

– Вы собираетесь ему рассказать?

– Не вижу необходимости. – Макс встретился с собеседницей взглядом. – Сэр покинул департамент почти одновременно с вами.

– Понятно. – Эвелин почувствовала облегчение. У нее не было желания возобновлять их переписку. Этот человек остался в прошлом, и она не хотела туда возвращаться. – Но ведь дни, когда я проникала в чужой дом под покровом ночи, давно миновали, – заявила она, – равно как и дни, когда я добывала информацию, всю используя свои чары.

– Понимаю.

– Несомненно, без обмана здесь не обойтись, но я никогда не лгала мужу и не намерена начинать.

– Да ладно вам. Все женщины лгут мужьям.

– А я нет! – От негодования на лице Эвелин появился яркий румянец. – У меня никогда не было необходимости в этом.

– Вы хотите сказать, что никогда не прятали от него счет, присланный портнихой?

– Нет.

– И никогда не говорили, что идете к приятельнице, а сами направлялись в другое место?

– Конечно, нет.

– И ни разу не сказали, что другой джентльмен не обращал на вас внимания, хотя он отчаянно флиртовал с вами?

– Нет! – Эвелин взглянула на своего бывшего начальника с откровенной жалостью. – Оказывается, вы ничего не знаете о женщинах. Большинство из нас не считает ложь чем-то само собой разумеющимся. Неудивительно, что вы до сих пор не женаты.

– Я очень многое знаю о женщинах, – с великолепным апломбом заявил Макс. – И именно поэтому до сих пор не женат. Вы все лжете. Все и каждая.

– Вам следует найти жену, – уверенно заявила Эвелин, не обратив внимания на его обвинительную тираду. – Вы же не молодеете. А светловолосые мужчины быстро теряют красоту. Мальчишеский шарм и красивое лицо отнюдь не вечны.

Он довольно улыбнулся.

– Но пока они мне неплохо служат.

– Да, вы совершенно не изменились, – проговорила она и встала. Хозяин кабинета тоже поднялся. – Помяните мои слова: сегодня вас считают привлекательным и желанным, а завтра оказывается, что вы распутный старый козел.

Макс устремил на собеседницу любопытный взгляд.

– Вы счастливы?

– Никогда не была счастливее.

– И вам не скучно? Не возникает желания снова испытать азарт погони? Почувствовать удовлетворение, разгадав сложную загадку? Разоблачив преступника?

– Нет. – Эвелин пожала плечами. – Жаль, если я вас разочаровала.

– А ваш муж? Он тоже счастлив?

– Во всяком случае, он ни разу не дал мне повода усомниться в этом. – Она задумчиво улыбнулась при мысли о муже. Эдриен – это самое лучшее, что было в ее жизни. Хороший человек – добрый, благородный, щедрый. Он никогда не отказывался от ответственности и легко справлялся с многочисленными обязанностями. А то, что он высок, красив и великолепен в постели, являлось дополнительным бонусом. И главное, он любил ее. Что еще нужно женщине? – Обещайте мне, что вы больше никогда ко мне не обратитесь.

– Я не могу дать такого обещания.

– Макс!

– Ну хорошо. Я постараюсь.

– Полагаю, вы найдете способ сообщить мне дальнейшие инструкции?

Он кивнул.

– В течение нескольких дней.

– Хорошо.

Она тоже кивнула, сделала несколько шагов к двери и вернулась.

– Еще одно.

– Да?

– Если это дело погубит мой брак, а значит, и мою жизнь, я скорее всего перережу вам горло. Или пристрелю. Не забудьте. Я прошла здесь великолепную школу. И прекрасно стреляю. То, что я пока никого не пристрелила и никому не перерезала горло, вовсе не означает, что я стану колебаться. – Эвелин подалась к нему и договорила громким шепотом: – Или я отрежу отросток, которым, насколько я знаю, вы очень дорожите.

– Идите, Эви. – Макс поморщился, старательно делая вид, что его не испугала угроза.

– Надеюсь, вы меня услышали, Макс. Мой муж ничего не знает о моей прошлой деятельности, но, если узнает...

– Могу дать вам слово, Эви, – твердо сказал сэр Максвелл. – О вашем сотрудничестве с этой организацией ваш муж ничего не узнает, во всяком случае, от меня. – Он улыбнулся, и Эвелин показалось, что в его глазах мелькнула искренняя приязнь. – Вы всегда доверяли мне. Доверьтесь и теперь.

Она несколько секунд сверлила его взглядом, потом вздохнула.

– Полагаю, у меня нет выбора.

– Поверьте, Эви, я не сделаю ничего, чтобы разрушить ваше счастье.

– Уж постарайтесь. – Она окинула Макса еще одним хмурым взглядом и ушла, вознося страстную молитву Всевышнему. У нее были все основания опасаться, что ее счастье уже разрушено.

Глава 2

– Это может оказаться немного неудобным, – спокойно заявила Селеста Дерошетт, глядя поверх очков, которые она носила, чтобы произвести впечатление, а не в силу необходимости.

– Немного?! – воскликнула Эвелин. – Ты так считаешь? Это будет немного неудобным, только если мне здорово повезет. Небольшое неудобство – это лучшее, на что я могу рассчитывать.

– Твой муж далеко не глуп.

– Я знаю, – вздохнула Эвелин. – Будь он глупцом, все было бы намного проще. – Она встала и принялась мерить шагами свою маленькую гостиную.

Селеста несколько минут молчала.

– Ты не хочешь это делать, верно?

– Конечно же, нет! – Эвелин заправила выбившийся из прически локон за ухо – еще один признак того, как сильно она выбита из колеи. Ее локоны, как правило, никогда не покидали того места, куда она их определила. – Очевидно, у меня нет выбора. Хотя я так надеялась, что все это осталось в прошлом.

– А ты не скучаешь по той жизни?

– Нет, абсолютно!

– Разве? Но ведь бывают моменты, признайся.

– Никогда!

– Конечно, я понимаю. – Селеста задумчиво кивнула, и Эвелин уже в который раз подумала, что не до конца понимает свою подругу.

Селеста была компаньонкой Эвелин все годы, пока она работала на департамент. Когда Эвелин решила покинуть службу и выйти замуж за Эдриена, Селеста последовала за ней и стала ее секретарем, при этом оставаясь ближайшей подругой.

– А ты? – нахмурившись, спросила Эвелин.

– Нет. – Селеста покачала головой и поморщилась. – Ну, разве что иногда, когда жизнь кажется... скучной.

– Моя жизнь никогда не бывает скучной! – воскликнула Эвелин.

Селеста насмешливо подняла бровь.

– Никогда, – повторила Эвелин, и ее глаза изумленно округлились. – Ты хочешь сказать...

– Моя дорогая! Это жизнь, для которой ты рождена. – Селеста говорила медленно, осторожно выбирая слова. – Ты теперь графиня Уоттерстоун и имеешь бесконечное количество всевозможных общественных обязанностей. К тому же ты активно занимаешься благотворительностью. Да и большое семейство Эдриена не дает тебе скучать. А я... – Она пожала плечами. – Я – твоя служащая.

– Ты – моя самая близкая подруга.

– Пока... – Селеста улыбнулась. – Этого достаточно.

Эвелин с любопытством смотрела на подругу, словно видела ее впервые. Собственно говоря, Селеста всегда стремилась оставаться незамеченной. Свои великолепные темные волосы она неизменно стягивала в узел на затылке. А прекрасные синие, с фиолетовым оттенком глаза прятала за очками. Одевалась она только в тусклые, неприметные одежды, держалась скромно, и потому ее действительно не замечали. Но только поначалу. Эвелин уже не раз видела, как взгляд джентльмена, безразлично скользнув по неприметной секретарше, через некоторое время снова возвращался к ней и на этот раз задерживался надолго. Селесте всегда хорошо удавалось выглядеть той, кем она никоим образом не была. Эвелин долгое

время считала, что подруга скрывается. Конечно, Селеста Дерошетт – не ее настоящее имя, но она никогда не говорила подруге, как ее зовут, да та и не спрашивала. Личная жизнь имела четко определенную границу, которую ни одна из подруг не переходила. В этом не было необходимости. Эвелин не задумываясь доверила бы подруге свою жизнь.

Эвелин и Селеста никогда не стали бы подругами – они вообще бы не встретились, если бы не работа на департамент. Хотя у них было много общего. Обе рано остались сиротами, но отец Эвелин был виконтом, и она оказалась под опекой дальнего родственника – сэра Джорджа Хардуэлла. У сэра Джорджа не было желания брать на себя ответственность за ребенка. Девочка его вообще нисколько не интересовала. Он оплатил ее образование в пансионах – в Англии и за границей и обеспечил минимальное денежное пособие после окончания обучения. Все это было сделано благодаря небольшому трастовому фонду, оставленному ее родителями, которым управлял поверенный сэра Джорджа. Эвелин считала своим долгом писать родственнику на протяжении всех лет учебы, но он отвечал очень редко, и в конце концов она перестала переводить бумагу и чернила. Ей всегда казалось странным, что двух мужчин, сыгравших самые главные роли в ее жизни, она ни разу не видела. Она втайне подозревала, что именно от сэра Джорджа департамент узнал о ней и обстоятельствах ее жизни, хотя это подозрение ни на чем основано не было. Так... смутное ощущение, и ничего больше.

Селеста была дочерью актрисы. Она тоже рано осталась сиротой – или была брошена, этого Эвелин в точности не знала. Селеста переходила из семьи в семью и в конце концов пошла по стопам своей матери. Ее домом сначала стал театр, а потом департамент. Эвелин всегда считала, что в лице подруги мир потерял великую актрису. Она была настоящим экспертом по манере речи – могла говорить и как герцогиня, и как уличная торговка. Кроме того, она была гением перевоплощения – мастерски меняла внешность. Все эти качества были весьма ценными для того, кто работает в тайной правительственной организации, но по большей части не использовались секретаршей графини.

– О Боже! – воскликнула Эвелин. – Мне нет прощения! Я ужасная эгоистка!

– Разумеется. И я позволила тебе быть ею. – Селеста говорила очень серьезно. – Но не думай, что я была бы здесь с тобой, если бы не хотела этого. Мое теперешнее положение... весьма приятно. Ты же сама знаешь, работа совершенно необременительна. Составление твоего распорядка, планирование мероприятий, переписка... Да и ты мне явно переплачиваешь. – В глазах Селесты заплясали веселые огоньки. – Вся моя жизнь – сплошной праздник.

Эвелин не обратила внимания на слова подруги.

– Но этого для тебя достаточно?

– Ты всегда можешь платить мне больше, если хочешь.

– Ты знаешь, что я имею в виду.

– Я же сказала, пока мне этого достаточно. – Селеста пожала плечами. – Но никаких обещаний на будущее я давать не буду.

– Хорошо, а я не стану извиняться за эгоизм. – Селеста была близка Эвелин, как сестра. Эвелин всерьез считала ее членом своей семьи. Они даже были немного похожи, словно настоящие сестры, – имели одинаковый рост и фигуры, только волосы у Селесты были почти черными, а у Эвелин – насыщенного каштанового цвета. Глаза у Селесты были синими с лиловым оттенком, а у Эвелин – карими. Эвелин считала, что подруга красивее, чем она, и это ее нисколько не беспокоило. Даже возраст их был примерно одинаковым. Селесте несколько месяцев назад исполнилось тридцать, а тридцатилетие Эвелин должно было отмечаться через пару недель. – Мне бы не хотелось тебя потерять.

– Не сомневайся, ты меня не потеряешь, – улыбнулась Селеста. – Даже если в один прекрасный день я решу, что хотела бы провести остаток жизни не так, мы всегда останемся близкими друзьями.